

III. БОДЕЛЭРЪ.

(Биографія—характеристика).

„Цвѣты зла“—лучшій цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнкѣ Боделэра. Въ нихъ вылилась вся его оригинальная особенность; ими онъ показалъ, что можно послѣ безсчетнаго множества стихотворныхъ томовъ, гдѣ, казалось бы, исчерпаны всѣ варіаціи сюжета, выпустить въ свѣтъ что-то новое и неожиданное, не имѣя для этого надобности отцѣплять солнце и звѣзды съ ихъ крючковъ, не заставляя въ своихъ произведеніяхъ дефилировать всемірной исторіи“

Эти слова принадлежатъ критику и другу Боделэра—Т. Готье, которому Боделэръ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ и посвятилъ свои „Цвѣты зла“, букетъ которыхъ такъ не понравился цензурѣ, правительству и добрымъ буржуа Наполеона III и появленіе которыхъ вызвало горячее сочувствіе такихъ людей, какъ Ж. Зандъ, В. Гюго, Флоберъ, Балзакъ, Т. Готье, Э. Дешампъ, Сентъ-Бѣвъ, д'Аревилль, Эд. Тьерри и мн. друг. Тогда какъ одни кричали о кощунствѣ, о безбожіи, о проповѣди разврата автора „Цвѣтовъ зла“, другіе поздравляли его съ тѣмъ, что ему удалось сказать новое глубокое и блестящее слово...

Необходимо сказать, что женственный по натурѣ, не способный къ активной борьбѣ, Боделэръ самъ былъ какъ бы смущенъ всеми нападками, что онъ и высказалъ при выходѣ третьяго изданія

„Цвѣтовъ зла“, прибавивъ къ этому изданію собраніе писемъ и отрывковъ, написанныхъ по поводу перваго изданія.

„Никто, всего менѣе—я, не могъ предполагать,—говорить Боделэръ,—что книга столь духовно-мистическаго настроенія, написанная столь громко, столь горячо вызывающая къ добру, какъ „Цвѣты зла“, должна стать предметомъ судебного преслѣдованія, или лучше сказать поводомъ къ какому-то недоразумѣнію“

Но если полиція нравовъ Наполеона III признала „Цвѣты зла“ противной религіи и нравственности и наложила штрафы на автора и его издателя, то общество въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей послѣшило ободрить впавшаго въ недоумѣніе и огорченіе поэта.

Вотъ что написалъ Боделэру В. Гюго изъ своего изгнанія:

„Я получилъ. . вашу прекрасную книгу. Искусство, какъ небесная лазурь,—безконечно: вы только что доказали это. Ваши „Цвѣты зла“ блестятъ и ослѣпляютъ, какъ звѣзды. Продолжайте. Я кричу браво вашему отважному духу. Позвольте мнѣ кончить эти нѣсколько строкъ поздравленіемъ. Вы получили одну изъ рѣдкихъ наградъ, какія только можетъ дать существующее французское правительство. Вы осуждены во имя того, что оно зоветъ своей моралью и своимъ правосудіемъ“.

Полный пессимизма самаго отчаяннаго и въ то же время романтикъ съ нѣжной чувствительной душой, Боделэръ въ своихъ „Цвѣтахъ зла“ касается самыхъ сокровенныхъ струнъ человѣческаго сердца, заставляетъ ихъ болѣзненно вибрировать, вывора-

живаешь наизнанку всю скрытую грязь человеческой души, всю ту мерзость, которую способна породить въ человѣкѣ скука, сплинъ,—и въ то же время онъ скорбитъ объ идеалѣ, добивается его, грезить о немъ. И именно эта тоска по идеалу, стремленіе къ нему ставитъ Боделэра въ ряды великихъ поэтовъ; все же грязное, всѣ эти физиологическія почти описанія зла и порока, которые такъ возмущаютъ филистеровъ и противниковъ поэзіи Боделэра,—нечто иное, какъ такъ сказать фонъ, на которомъ поэтъ описываетъ свою тоску и стремленіе къ идеалу. Вотъ то стремленіе къ идеалу среди житейской грязи и зла—вотъ идея „Цвѣтовъ зла“, и новая форма выраженія своихъ мыслей и чувствъ черезъ символы, вотъ заслуги Боделэра, какъ **сти-листа**, внесшаго, по словамъ Гюго, въ поэзію „новое трепетанье“.

Значеніе Боделэра важно еще и потому, что его не безъ основанія считаютъ родоначальникомъ „декадентизма“ въ новѣйшей поэзіи. Къ сожалѣнію, декаденты, которые чтутъ Боделэра, какъ своего родоначальника, за немногими исключеніями, заимствовали отъ него лишь отрицательныя стороны этого таланта, отбросивъ все положительное, и потому они на самомъ дѣлѣ далеки отъ него, не имѣютъ ничего другъ съ другомъ сходнаго.

И не только въ Россіи, но даже во Франціи въ иныхъ классахъ общества, Боделэръ считается ка-кимъ-то пугаломъ, и, не зная поэта, видятъ въ поэзіи проповѣдь и воспѣваніе разврата, а не проповѣдь чистоты, выпрєнныхъ стремленій, исканія идеала.

Посмотримъ, какъ развивался этотъ, если и не ге-

ніальный, то во всякомъ случаѣ оригинальный и въ высшей степени талантливый писатель.

Шарль-Пьеръ-Боделэръ родился въ Парижѣ 21-го апрѣля 1821 года. Онъ былъ сыномъ Франсуа Боделэра, стариннаго друга Кондорсе и Кабаниса. Весьма порядочный, учтивый, какъ маркизь XVIII вѣка, радикаль по убѣжденіямъ, аристократъ по манерамъ, по одеждѣ и по любви къ изящному, Франсуа Боделэръ имѣлъ большое вліяніе на своего сына, и, несомнѣнно, что именно ему поэтъ обязанъ своей любовью къ изящному. Отецъ часто водилъ своего сына по общественнымъ садамъ, показывая ему статуи. Но вліяніе отца было непродолжительно. Кажется въ 1831 году, т. е. когда Шарлю было 10 лѣтъ, старикъ Боделэръ умеръ.

Молодая вдова — мать Шарля — вскорѣ вышла замужъ вторично за генерала Опики. Какъ относился къ матери молодой Шарль — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ такое скорое забвеніе памяти вѣжно любимаго отца должно было оставить горькій осадокъ въ дѣтской душѣ будущаго поэта. Что касается своего вотчина, то у молодого Боделэра не было никакихъ основаній относиться къ нему особенно любовно, хотя, быть можетъ, генераль Опики по-своему любилъ и заботился о пасынкѣ и мечталъ устроить его карьеру, пустивъ его по военной дорогѣ. Но призваніе Боделэра было иное. 9 лѣтъ Шарль поступилъ въ коллежъ въ Ліонѣ. Успѣхи его въ наукахъ были посредственны, и онъ считался скорѣй за тупого, чѣмъ за способнаго ребенка. На 16-мъ году онъ перешелъ въ Парижскій коллежъ Людовика Великаго, гдѣ впервые началъ писать стихи въ духѣ байронизма. Это была такъ сказать дань модному

увлеченію поэзіей геніальнѣйшаго въ мірѣ писателя. Матери Боделэра не нравилась такая склонность сына къ литературнымъ занятіямъ и въ семьѣ поэта стали происходить несогласія и ссоры. Въ 1838 году Боделэръ совершилъ съ вотчимомъ поѣздку въ Пиренеи, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ 1839 году произошла какая-то невыясненная исторія, за которую Боделэра исключили изъ коллежа передъ самымъ окончаніемъ курса... Впрочемъ, въ послѣдствіи онъ, хотя и съ трудомъ, сдалъ экзаменъ на бакалавра литературы.

Чтобъ дать другое направленіе его мыслямъ и мечтамъ, въ которыхъ онъ упорствовалъ, говоритъ Т. Готье въ вступительной своей статьѣ къ „Цвѣтамъ зла“, Боделэра послали путешествовать—и послали его очень далеко. Онъ объѣхалъ моря Индіи, видѣлъ островъ св. Маврикія, Мадагаскаръ, Цейлонъ, берега Гангейскаго полуострова, но тѣмъ не менѣе ни на мгновеніе не отказался отъ своего намѣренія сдѣлаться литераторомъ. Тщетно пробовали заинтересовать его и коммерціей,—торговля его нисколько не занимала. Изъ своего длиннаго путешествія онъ не вынесъ ничего, кромѣ впечатлѣній отъ умопомрачающаго великолѣпія экваторіальной природы, которое онъ и сохранилъ на всю свою жизнь... Да еще во время своего путешествія онъ приобрѣлъ странную любовь къ черной Венерѣ, и эта любовь навсегда стала его культомъ.

Вернулся изъ своего путешествія Боделэръ уже совершеннолѣтнимъ. Не было никакой причины противиться выяснившемуся призванію молодого человѣка, а призваніе это еще болѣе окрѣпло отъ путешествій, и уже ничто не могло отвлечь его отъ

намѣченной цѣли. Къ тому же къ этому времени онъ получилъ 75 тысячъ франковъ—свою долю изъ наслѣдства отца. Старшій братъ Шарля — Клодъ (отъ другой матери) получилъ землю. Кромѣ этого брата у Боделэра не было родственниковъ. Клодъ на 55-мъ году своей жизни былъ разбитъ параличемъ и умеръ въ сумасшедшемъ домѣ.

Получивъ наслѣдство, которое, сказать кстати, хватило Боделэру не на долго, оно быстро растаяло и замѣнилось большими долгами, которыхъ онъ всю жизнь не могъ выплатить и которые стали несчастьемъ и проклятьемъ всей послѣдующей жизни поэта,—получивъ эти 75 тысячъ, Боделэръ сталъ жить разсѣянной и безпорядочной жизнью литературной богемы. Къ этому времени относится его знакомство съ выдающимися литераторами и художниками того времени. Совершенно случайно и даже смѣшно познакомился онъ съ Бальзакомъ. Онъ встрѣтился съ нимъ на улицѣ и столкнулся съ нимъ; и тотъ, и другой старались уступить другъ-другу дорогу, но постоянно сталкивались, и столкновенія эти, кончившись смѣхомъ, дали начало сперва знакомству, а потомъ пріятельскимъ отношеніямъ съ Бальзакомъ.

Боделэръ занялъ маленькое помѣщеніе въ зданіи, въ которомъ находился отель Пимодана, гдѣ собирались въ тѣсномъ и пріятельскомъ кружкѣ художники и литераторы и гдѣ происходили также собранія гашишистовъ и потребителей опія. Въ этихъ собраніяхъ принималъ участіе и Боделэръ, и, надо полагать, что они то и послужили основаніемъ для гибельной привычки поэта—потреблять опій. Хотя Т. Готье и увѣряетъ, что Боделэръ никогда не

злоупотреблялъ этимъ ядомъ и лишь „изъ любопытности сдѣлалъ одинъ или два опыта“, но врядь ли это такъ... Самъ Боделэръ въ одномъ изъ своихъ писемъ за два года до своей смерти (въ 1865 г.) говоритъ, что онъ долго употреблялъ опій. И по всему видно, что Боделэру были пріятны эти сеансы, результаты потребленія этого яда—экстазы, грезы, галлюцинаціи. Вѣроятно все же, что опій также былъ причиной той болѣзни, которая привела Боделэра сперва въ сумасшедшій домъ, а затѣмъ и преждевременно свела поэта въ могилу. Тѣмъ болѣе ядъ долженъ былъ сильно дѣйствовать на Боделэра, что въ его роду многіе предки, по его собственному признанію, были идіотами и маньяками, или отличались странностями. Братъ Боделэра, какъ мы сказали, кончилъ параличемъ. У матери Боделэра въ старости также были парализованы ноги. Несомнѣнно также, что подъ вліяніемъ опія написаны и нѣкоторыя (съ отбѣнками болѣзненности) стихотворенія Боделэра. Въ другомъ своемъ интересномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Искусственныя обители блаженства“ (*Les paradis artificiels*), Боделэръ описываетъ сеансы гашишистовъ и опиумодовъ „съ большимъ знаніемъ дѣла“.

Очутившись на свободѣ и освобожденный отъ опеки семьи своей, которая съ ужасомъ убѣдилась, что ихъ Шарль сталъ литераторомъ, заживъ жизнью артистической богемы, Боделэръ завязалъ сношенія съ женщинами, занимавшими въ обществѣ двусмысленное положеніе и вполне окупался въ эту жизнь. Но борьба съ семейными за свое призваніе была очевидно упорна и тяжела. Даже воспоминаніе объ этой борьбѣ наполняло сердце поэта горечью. Не-

сомнѣнно, что въ стихотвореніи „Благословеніе“, которымъ открывается сборникъ „Цвѣтовъ зла“, находится элементъ біографическій,—и какой горькой печалью и ироніей дышатъ строки этого стихотворенія.

Въ отелѣ Пимодана, Боделаръ познакомился съ Теодоромъ Банвиль, Урліакомъ, Лавассеромъ, Делакруа, котораго поэтъ ставилъ высоко, и со многими другими выдающимися художниками и литераторами. Въ противоположность артистическимъ чертямъ свободнымъ нравамъ, Боделаръ отличался самой строгой благопристойностью: вѣжливъ и учтивъ онъ былъ чрезмерно, до того, что казался даже манернымъ. Онъ соразмѣрялъ свои фразы, употребляя самыя изысканныя выраженія, нѣкоторые слова произносилъ какимъ-то особеннымъ значительнымъ образомъ, словно желалъ ихъ подчеркнуть, придать имъ таинственную значительность. Въ звукахъ его голоса имѣлись курсивы и подчеркиванія. Но шаржъ, который былъ въ большомъ почетѣ у Пимодана, презирался имъ какъ нѣчто искусственное и грубое, и въ то же время онъ позволялъ себѣ и даже любилъ парадоксы и крайности. Съ видомъ натуральнымъ и простымъ, совершенно отвлеченно, какъ будто говоря общее мѣсто, онъ высказывалъ аксіомы діавольски-чудовищныя, съ ледянымъ спокойствіемъ поддерживалъ какую-нибудь теорію математической нелѣпости. Онъ смотрѣлъ на вещи съ какой-то особой точки зрѣнія, которая, такъ сказать, измѣняла очертанія предметовъ, словно онъ ихъ разсматривалъ съ высоты птичьяго полета, словно передъ его взоромъ эти предметы вырисовывались изъ далека,—и онъ сразу

схватывалъ и улавливалъ сходства, которыя были незамѣтны для другихъ, которыя своей странной причудливостью и въполнѣ однако логичныя, поражали. Жесты его были умѣренны, спокойны, округлы. Бѣглости въ рѣчи онъ не любилъ. Худощавый, тонкій, стройный, онъ одѣвался изысканно-просто, съ изысканностью дэнди въ вкусѣ романовъ Ричардсона. Позднѣе онъ сталъ брить даже усы, находя въ этомъ живописный шикъ и считая ношеніе усовъ буржуазнымъ. Много поэтическихъ описаній наружности Боделэра за это время существуетъ у писателей, современниковъ его... Особенно поэтично описаніе друга поэта Т. Банвиля, который говоритъ, что видъ Боделэра невольно заставлялъ думать о знаменитой фразѣ его: „*Mon âme voltige sur les parfumes, comme l'âme des autres hommes voltige sur la musique*“

Впослѣдствіи портретъ молодости поблекъ... Но и уже изнуренный болѣзью, съ горящими глазами, со сжатымъ крѣпко ртомъ, Боделэръ останавливаетъ вниманіе оригинальностью своего лица.

Во всякомъ случаѣ въ натурѣ Боделэра в было ничего сатанинскаго, онъ не былъ влюбленъ въ порокъ и въ зло. или даже въ сатану, какъ это стараются доказать противники и враги Боделэра; это была натура нѣжная, мягкая, неспособная къ борьбѣ и къ активной дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ мы это увидимъ ниже, вся жизнь поэта.

Боделэръ не долго искалъ свою литературную колею, онъ скоро нашелъ ее. Онъ увидалъ не по сю, а по ту сторону романтизма неизслѣдованную страну—родъ Камчатки щетинистой и суровой,—и

на самомъ краю этой страны построилъ, какъ говорить Сентъ-Бевъ, кіоскъ, или юрту причудливо-странной архитектуры...

Есть люди, которые отъ природы манерны, говоритъ Т. Готье въ своей статьѣ о Боделарѣ. Изъ всѣхъ образовъ ихъ поражаютъ самые причудливые, утонченные, запутанно-многосложные, фантастически—отдаленные отъ трактуемаго предмета; но описанія свои они умѣютъ связать какой-то таинственной невидимой нитью, что все распутывается, становится простымъ и яснымъ. Такой складъ ума былъ и у Боделара, и тамъ, гдѣ критики хотѣли видѣть усилія, чрезмѣрный трудъ, крайности, „пароксизмъ умысла“—есть нечто иное, какъ свободное и легкое проявленіе индивидуальности поэта.

Уже вскорѣ по вступленіи Боделара въ артистическую и литературную семью, имя его начинаетъ подвергаться критикѣ съ извѣстнымъ трепетомъ ожиданія, продолжаетъ Готье, и молодое поколѣніе, идущее послѣ великаго поколѣнія 1830 г., казалось, весьма разсчитывало на него. И Боделаръ не обманулъ этихъ трепетныхъ ожиданій своихъ друзей.

Но продолжимъ біографію поэта.

Дѣйствительно ли вынесъ изъ своего экваторіальнаго путешествія Боделаръ „культъ черной Венеры“, или онъ утверждалъ это лишь изъ оригинальности; только жизнь поймала Боделара на словѣ. Онъ влюбился въ мулатку Жанну Дюваль, фигурантку одного изъ маленькихъ парижскихъ театровъ, которая цѣлко ухватила за поэта. Эта Жанна не представляла изъ себя ничего замѣчательнаго; по свидѣтельству современниковъ и друзей поэта, она не отличалась ни особенной красо-